

УДК 821.581

Лянь Хайбо

аспірант

(г. Мінск, Беларусь)

Беларускі дзяржаўны
універсітэт інастранных
языкаўEmail: lhb1020425313@gmail.com**Lian Haibo**

Postgraduate student

(Minsk, Belarus)

Belarusian State University of Foreign
LanguagesEmail: lhb1020425313@gmail.com

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА О ВОЙНЕ В РАМКАХ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Целью статьи является изучение возможности компаративного анализа белорусской и китайской военной прозы. Исследование опирается на предпосылку об идентичности исторического развития и, как следствие, тождественности исторических травм в ключевые периоды: для Беларуси это Первая мировая и Великая Отечественная войны, для Китая – Вторая китайско-японская, освободительная и Корейская войны. Именно через призму этих событий предлагается анализировать военную прозу обеих литератур.

Ключевые слова: военная проза; белорусско-китайская компаративистика; литература факта; полифония; историческая травма.

CHINESE PROSE ABOUT THE WAR IN THE FRAMEWORK OF BELARUSIAN-CHINESE COMPARATIVE STUDIES

The purpose of the article is to explore the possibility of comparative analysis of Belarusian and Chinese military prose. The research is based on the premise of the identity of historical development and, as a result, the identity of historical traumas in key periods: for Belarus, this is the First World War and the Great Patriotic War, for China – the Second Sino-Japanese, Liberation and Korean Wars. It is through the prism of these events that it is proposed to analyze the military prose of both literatures.

Keywords: military prose; Belarusian-Chinese comparative studies; literature of fact; polyphony; historical trauma.

Военная литература Китая и Беларуси формировалась в тесной связи с политическими и идеологическими процессами XX века. Период 1920–1970-х годов охватывает ключевые этапы становления национальных государств, революционных преобразований и войн, определивших культурную и литературную парадигму эпохи. Тема войны занимает особое место в художественном сознании XX века, становясь неотъемлемой частью национальной памяти и культурной идентичности народов, переживших катастрофические потрясения и глубокие социальные трансформации.

Судьбы Китая и Советского Союза, частью которого была Беларусь, на протяжении всего XX столетия неоднократно пересекались в контексте политических и военных конфликтов. Однако лишь в последние десятилетия, благодаря активному культурному взаимодействию Китайской Народной Республики и Республики Беларусь, стало возможным осознать наличие типологических сходств в литературных процессах обеих стран. Беларусь и Китай – государства, пережившие схожие катастрофические потрясения XX века: для Беларуси это Первая мировая война и Великая Отечественная война 1941–

1945 годов; для Китая – Вторая китайско-японская война (1937–1945), Освободительная война (1927–1950) и Корейская война (1950–1953). Все эти события были сопряжены с иностранной интервенцией, геноцидом, оккупацией, народным сопротивлением, массовыми жертвами и разрушениями, которые оставили глубокий след в коллективной памяти народов.

Великая Отечественная война в Беларуси и Война сопротивления японской агрессии в Китае стали историческими травмами, глубоко вписанными в культурное сознание как символы национального страдания и возрождения. В этих условиях литература на военную тематику превратилась в неотъемлемую часть реалистической традиции обеих стран. Писатели Китая и Беларуси, опираясь на конкретный исторический опыт и идеологические установки эпохи, стремились осмыслить активность борьбы, степень самопожертвования и процесс выживания народа, раскрывая морально-этические и духовные аспекты человеческого существования в экстремальных обстоятельствах войны.

Таким образом, литературные произведения на военную тематику стали важной частью реалистической литературы обеих стран. Стоит отметить, что компаративистика белорусской и китайской литературы на данный момент находится на этапе развития. Есть отдельные материалы, посвященные китайской литературе в Беларуси [1], белорусской литературе в Китае [2,3], но специальных публикаций сравнительного характера не очень много. Литературовед О.Н. Губская видит большую перспективу в исследованиях такого типа: «Параллель между новой белорусской литературой и литературой Нового Китая, на первый взгляд, кажется нелогичной: две разные культуры, начавшие формироваться в разное время, основанные на разных фольклорных традициях. Но не стоит делать поспешных выводов. Конечно, мы не претендуем на типологическое сравнение, но вполне можно заняться обычными компаративными исследованиями. Что же может объединять эти два, на первый взгляд, далёких культурных феномена? В ответ приведём три ключевых понятия: «империализм», «патриотизм», «марксизм» [4, с. 119]. Исследователь указывает на общий характер освободительного антиимпериалистического «Движения 4 мая» 1919 года в Китае и Октябрьской революции 1917 года для будущей Беларуси, вырвавшейся из оков Российской империи (БССР была основана 1 декабря 1919 года): «По сути, эта ситуация напоминает историю «байхуа», которая противопоставлялась элите «вэньянь». «Движение 4 мая» сыграло значительную роль в развитии чувства патриотизма во всех слоях китайского общества и ускорении распространения марксизма... Октябрьская революция направила историю Беларуси на собственный путь развития» [4, с. 120]. К этой параллели исторических событий нужно добавить участие китайского и белорусского народа во Второй мировой войне и, таким образом, вырисуется историческая парадигма белорусско-китайских компаративных исследований в литературе.

По каким критериям можно сравнивать развитие, на первый взгляд таких разных литератур, как китайская и белорусская? Приведем несколько пунктов.

1. Исторические параллели. Литература Китая и Беларуси долгое время находилась под влиянием государственной идеологии. В результате этого

на начальном этапе развитие белорусской и китайской военной прозы шло по параллельным и во многом идентичным шаблонам: героизация, идеализация образа солдата, подавление индивидуального опыта в пользу коллективного мифа.

2. Идеологический канон (1950–1970-е). В период 1950–1970-х годов в обоих государствах преобладала четкая концепция модели повествования. В Китае литература периода «семнадцати лет» (1949–1966), вдохновлённая советским примером, формировала архетип положительного героя – идеологически чистого, бесстрашного, безличного. В Беларуси, особенно в ранней советской прозе в рамках патетического героического дискурса, также господствовали образы безупречного бойца, «солдата-партии». В этот период война изображалась через призму победы и подвига, а не страдания и сомнения. В Китае активно восприняли историю о подвиге белорусского партизана деда Талаша, описанного в повести Якуба Коласа. «Повесть о подвигах деда Талаша «Трясина» была представлена китайскому читателю издательством «Шанхай Вэньи чубаньшэ» под названием «Старый герой-партизан» сначала в 1958-м, а потом и в 1959 г. Переводчик Ли Лянминь называл эту повесть произведением о железных характерах и кровопролитных битвах.

3. Нарративная трансформация: от формирования героического эпоса к отражению исторической травмы народа (с 1970-х). Начиная с 1970-х годов, как китайская, так и белорусская литература начинают отходить от идеологических схем. В китайском культурном пространстве в ключевую роль в изменении военного нарратива отводят Василю Быкову, выдающемуся белорусскому прозаику, известному в Китае повестью «Сотников», в которой война представлена не как арена для подвига, а как пространство нравственного выбора. «В 1965 г. в переводе Ли Лянминя вышла по весть Василя Быкова “Третья ракета” (Шанхайская редакция издательства “Цзоцзя чубаньшэ”). Быковские повести вообще довольно активно входили в китайское культурное пространство: в 1981 г. сразу из двух издательств “Аньхуэй Жэньминь чубаньшэ” и “Юньнань чубаньшэ” вышла повесть “Пойти и не вернуться”, в 1984 г. “Журавлиный крик” и “Альпийская бал лада”», – отмечает О. Губская [2, с. 35]. При этом Ся Чжунсянь, доктор филологических наук, профессор Пекинского педагогического университета отмечает, что «из белорусских писателей, возможно, больше всех посчастливилось Ивану Шамякину. И “Снежные зимы”, и “Глубокое течение”, и другие его романы получили в Китае, как говорят, прессу, да и тиражи у них были достаточно высокие» [5].

В Китае схожую функцию выполняет писатель Юй Хуа (р. 1960) с повестью «Смерть одного помещика» (1992), где моральный поступок героя периода антияпонской войны формируется на фоне его социальной маргинальности и внешней безучастности.

В обоих случаях происходит смещение фокуса с фронта на внутренний мир героя, а также подрыв бинарных схем «герой – враг», «подвиг – предательство». Война становится экзистенциальным испытанием, а не историческим «обязательным уроком».

4. Переход к памяти и культуре: «маленький человек» в центре истории. В 1980–1990-е годы развивается тенденция к диахронной литературе памяти, где событие войны рассматривается через личный рассказ, устное свидетельство или семейную хронику. Авторы начинают интегрировать национальные архетипы, фольклор и травматический опыт, создавая гибридные повествовательные формы. В белорусской литературе сформировалось целое направление – «литература реального факта», в основу которого положен хорошей нарратив, впервые представленный книгой «Я из огненной деревни» (1975), созданной коллективом авторов, в состав которого вошли А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник.

В китатйской литературе романы «Семья красного гаоляна» (1986) Мо Яня (р.1955), «Жить» (1992) Юй Хуа (р. 1960) демонстрируют отказ от линейной хроники и идеологического нарратива в пользу многослойной реконструкции памяти, где важна не только документальная точность, но и психологическая и культурная достоверность.

Несмотря на то, что развитие военной прозы в обеих странах имело общую литературную традицию, советская литература о войне долгое время занимала лидирующую позицию по отношению к китайской литературе. Например, произведения военной литературы периода «семнадцати лет» (1949–1966, с момента основания КНР до начала Великой пролетарской культурной революции) все еще характеризуются влиянием социалистического реализма и политической идеологии. В это период в Китае активно изучали советскую литературу и ориентировались на ее традиции в описании Великой Отечественной войны, требуя связи литературы с политикой, пропаганды революционных достижений и создания положительных образов. Как отмечает Чжан Цзиньюй: «Обмен между литературными и художественными кругами двух стран стал беспрецедентно частым, благодаря братской дружбе между Китаем и Советским союзом. Советская литература стала служить эталоном для развития китайской литературы. В только что создавшейся стране воцарилась небывалая до этого атмосфера, повсюду витал революционный дух» [6]. Темы произведений фокусировались на таких событиях, как война сопротивления против Японии (1937–1945), освободительная война (1927–1950) и Корейская война (1950–1953). Главные герои часто изображались как бесстрашные и мужественные бойцы, готовые к самопожертвованию, достигающие победы в войне через революционный энтузиазм. В этот период китайская военная литература, подобно советской военной литературе до 1950-х годов, характеризовалась формульностью, концептуальностью и шаблонностью в творчестве. Писатели стремились сознательно создавать типичных персонажей в типичных обстоятельствах, подчеркивая объективность, редактируя исторические факты в новые истории с концепцией военной тематики, выраженной в лозунгах «борьба за Родину», «борьба за нацию», «борьба за справедливость».

Начиная с 1970-х годов китайская военная литература претерпела значительные изменения в тематике и повествовательных подходах. Изображение войны перестало ограничиваться героическими подвигами положительных персонажей на передовой и стало сосредотачиваться на малых сражениях,

шистских преступников, немцев и японцев, после окончания войны покончили жизнь самоубийством из-за того, что не в силах были справиться с муками совести. Неужели те, кто сотворил зло в «культурную революцию», все же могут жить, как ни в чем ни бывало, и очнувшаяся совесть их не мучает? Психология нашей нации, в конце концов, оказалась так тверда и непоколебима, что это вызвало у меня леденящее оцепенение. Но на сей раз мне посчастливилось услышать тех, кому совесть доставляла беспокойство, расслышать так долго ожидаемое мною тяжелое раскаяние. То звучала нежная музыка вешних вод, когда таял прочный лед зла» [8, с. 1–3]. Очевидно, что данный способ восприятия реальности, такой формат нарратива очень близок к творческой манере классика белорусской литературы А. Адамовича.

Писатели стремились исходить из индивидуального жизненного опыта, акцентируя внимание на моральных дилеммах и психологическом состоянии в условиях войны, исследуя сложность морального выбора.

Таким образом, в военной литературе Китая рассматриваемого периода наблюдается заметное смещение акцентов. Более выраженное значение приобретают фигура автора или рассказчика и сам способ нарративного изложения. Подобный подход находит теоретическое обоснование в трудах О. Н. Губской, которая отмечает: «Для работы с литературой факта важной является концентрация не столько на роли реального (жизненного, исторического) факта как сюжетообразующего элемента, сколько на личности рассказчика (нарратора), способе наррации и том образе мира, который нам презентуют через актуализацию этого самого факта. В данном случае подтверждаемый фактом материал, наряду с его субъективной подачей, делается более информативным, ценным и познавательным, чем непосредственный фактографизм» [9, с. 106].

Таким образом, китайская военная проза второй половины XX века демонстрирует склонность к субъективизации повествования, при которой индивидуальное восприятие и личный голос автора или нарратора становятся носителями смыслов не в меньшей степени, чем документальная достоверность. Подобное сближение с эстетикой «литературы факта» свидетельствует об эволюции военного дискурса от канонического героизма к многообразию индивидуальных взглядов и моральных интерпретаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковец, В. В. Китайская литература в Беларуси : этапы и особенности рецепции // Весн. БДУ. Сер.4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 27–31.
2. Губская О.Н. Литературные взаимосвязи как продвижение белорусско-китайского диалога // Женщины-ученые Беларуси и Китая. Минск : РИВШ, 2024. С. 33–38.
3. Хмяльніцкі М. М. Беларуска-кітайскія літаратурныя сувязі : дасягненні перспектывы дзейнасці кафедры кітайскайфілалогіі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія. 2024. № 3. С. 20–25.
4. Губская, В. М. Літаратура Новага Кітая і новая беларуская літаратура як этапныя з’явы культуры // Картина мира через призму китайской и бело-

русской культур : Сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 года / Редколлегия: М. В. Мишкевич [и др.]. Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет, 2019. Р. 119–122.

5. Китайские открытия белорусской литературы. URL : <https://www.nlb.by/content/news/bookexhibitions-nlb/kitayskie-otkrytiya-belorusskoy-literatury-5002/>. (дата обращения: 28.10.2025).
6. Чжан Цзюй, Трофимова И.Н. Принятие Китаем советской литературы в период с 1949 по 1966 гг. на примере издания «Веньи Бао» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 11. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-kitaem-sovetskoy-literatury-v-period-s-1949-po-1966-gg-na-primere-izdaniya-veni-bao>. (дата обращения : 24.10.2025).
7. Коробова, А.Н. Китайская проза новейшего периода (с 1979 г. по настоящее время). М.: ИПЦ «МАСКА», 2018. 72 с.
8. Фэн Цзицай. И бай гэ жэньдэ ши нянь. 1966—1976. 和白歌仁德时年。1966-1976 . Фэн Цзицай. Десять лет в сотнях судеб]. Нанкин,1997. 435 с.
9. Губская, О. Н. Литература факта и эго-документ как два самостоятельных явления в белорусской литературе // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 1(116). С. 104–112.